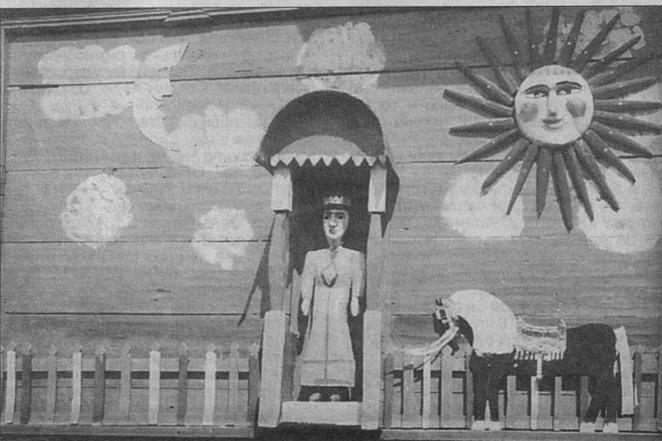

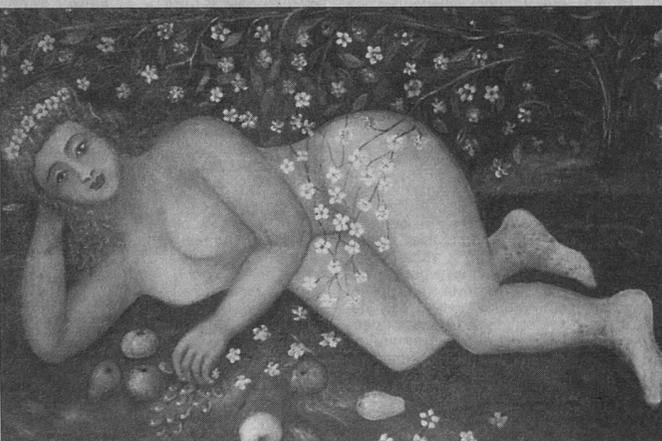
Наивное «зрение»

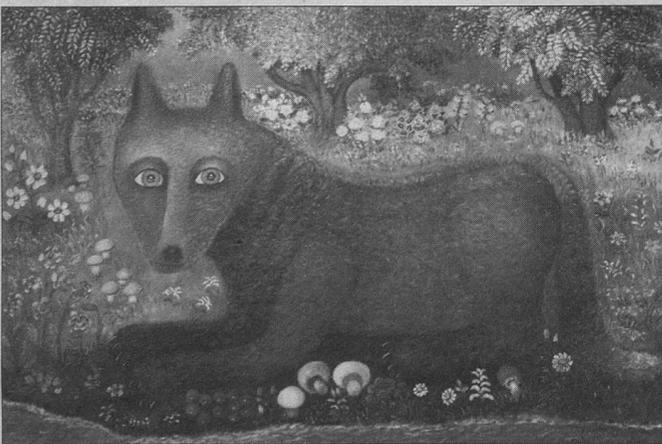
Е.Волкова

Фронтон террасы дома В.Зазнобина

Е.Волкова. «Сибирская красавица». 1975-1976

Е.Волкова. «Серый волк». 1999

Виталий ПАЦЮКОВ

Деревянные глазки, почему вы так странно смотрите на меня?
Алексей Толстой
Я вижу очень большое искусство... за профилем и анфасом Тицианов, Рубенсов, за спиной импрессионистов, и нас... кубистов, футуристов и супрематистов их не было видно...
Казимир Малевич

Наивное сознание присутствует в каждом из нас. Оно позволяет увидеть незримое, внутреннюю гармоническую ткань жизни, но с такой отчетливостью, словно она предстает перед нами на киноэкране или на театральной сцене. Данное при рождении, наивное «зрение» как художественный образ рано утрачивается, заменяясь понятийным, разделяющим мир на причину и следствие, объект и субъект. И лишь немногие сохраняют этот дар не только самому видеть мир в его первоначальной чистоте, но и рассказывать о нем другим в образах сказки или мифа.

Московский музей современного искусства в своей новой экспозиции «Мир Всем!» открывает серию проектов, посвященных наивному художественному сознанию, культуре примитива, оказавшей влияние на всю историю искусства XX столетия. И первый из них представляет двух мастеров этой уникальной культуры – Елену Волкову и Владимира Зазнобина, живопись и скульптуру как диалог красоты и пользы.

Детство и юность Елены Андреевны Волковой прошли в небольшом украинском городке Чугуеве, по соседству с улицей и домом, где родился Илья Ефимович Репин. Фантастическая природа, прозрачные воды речки Сиверский Донец, мастерство чугуевских иконописцев, где непосредственная реальность переходила в божественное созерцание, в соединении с волею души художницы создали ее сказочное зрение. Не пройдя никакой академической выучки, Елена Андреевна попросту не воспринимала мир как объект копирования, сохраняя детское чувство удивления и восхищения перед ним. Мир всегда оставался непрерывным источником ее радости и вдохновения, и Елена Андреевна, движимая инстинктом художника, через искусство утверждала свое единство с ним. Какие бы трагические события ни происходили в ее жизни – война, потеря мужа и близких, болезни, – она каждый раз, в каждой композиции открывает поэзию радостной праздничности и красоты.

Переживая мир природы как райский сад, художница естественно переходит за грань холста, открывая «маленькую зеленую дверь в стене», проникая в пространство универсального согласия звезды, минерала, человеческого жеста, улыбки животного и шестеста крыльев ангела. На ее работах отражается все: внутреннее состояние, отношения с людьми, любовь к сыну, закат солнца и случайно услышанная мелодия. Эти образы реальности претворяются в жизнь поверхности произведения, в ее свечение, в гармонию и чистоту цветовой тональности и, наконец, в физическую осязаемость ее идеальных форм. В произведениях Елены Андреевны происходит осуществление надежд и желаний, исполняются заветы и восстанавливается утраченное, вечно живущее в непре-

ложности райского первоначала. Холсты художницы цветут и звучат, они покрываются цветами и омываются водами. На них мирно шествуют волки и лошади, лисицы и львы, олени и коровы. Они то шестелят как травы, то пересвистываются как птицы, они шумят лесами и журчат ручьями, где плещут серебристые рыбы, готовые исполнить все наши желания. И в конце концов, они ложатся в нашей памяти величественным строем, подобным Млечному пути. Их пространства втягивают нас, вовлекают за свои рамки и одновременно опрокидываются в нашу реальность, уподобляясь пространствам средневековой иконы или «благодарственной» картины, написанной в честь святого. Художница спокойно перемещается в безграничности своих композиций, обживая своей магической рукой, насылая его, как творец, животных и растениями, даря сознание лобой сущности, дотрагиваясь до нее своей кисточкой как волшебной палочкой.

Сочетание чистых цветов, взятых во всей их силе, спокойное движение кисти, сияющая поверхность холста, объединяющая всю композицию в единую животворную ткань, – все это придает произведению Елены Андреевны значение картины-изливания, картины-исповеди, картины-предостережения перед вечным. Ее вибрирующее световое пространство источает огромную духовную энергию. Это взгляд на мир горящей неутоленной любовью души, особое состояние, которое Ван Гог определил как «быть пораженным бессмертием». В этой просветленной жизни космоса звучит невыразимое очарование и бесконечность бытия.

В «наивных» пространствах композиций Елены Андреевны Волковой, как это ни парадоксально, присутствуют все пластические открытия искусства XX столетия, где мир народной культуры и древних мифологий празднует брак с сознанием времени. Искусство Елены Волковой сегодня как символ живого становления нового мироощущения, которое незаметно и несподожимо свершается в людях и которое предсказывали Малевич и Кандинский. Христианская философия художницы возрождает вселенскую масштабность естественной непосредственности бытия и раскрывает фундаментальные принципы художественного мышления. Творчество Елены Андреевны Волковой, несомненно, не только культурная память человечества о единстве всего живого на Земле, оно все устремлено в будущее, подчиняясь законам любви, красоты и бессмертия.

Мир Владимира Николаевича Зазнобина живет в своей зримой убедительности и наглядности, органически перетекая в нашу реальность, открывая единство идеального и непосредственного бытия. У его работ оказалась далекая, в сущности, безграничная перспектива, своего рода художественная философия вечных и неизменных начал жизни. В них все равноправно: настоящее и прошлое, далекое и близкое, одно просвечивает сквозь другое, где Александр Пушкин способен встретиться как в сказке с нашим временем, а наше время обретает свои корни в образах древности.

Родился Владимир Зазнобин в деревне Студенец Переславского района в 1900 году, позже переезжает в соседнюю деревню Горки. С юности работал плотником, ушел на войну и после ее оконча-

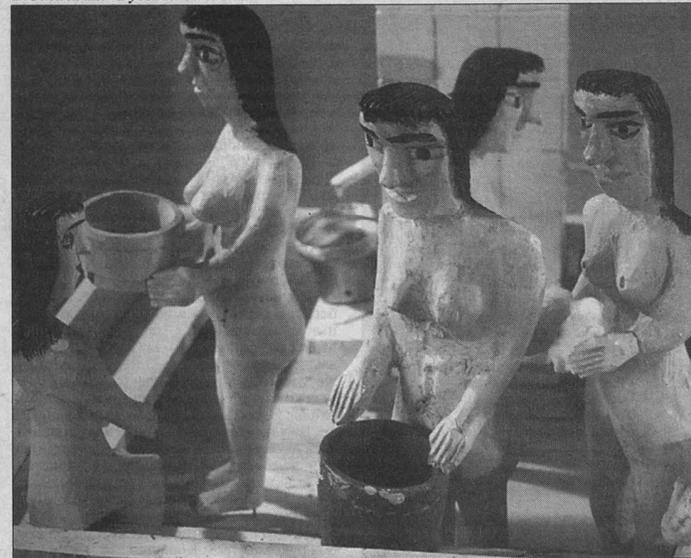
В.Зазнобин с женой на крыльце своего дома

ния вновь возвратился в родную деревню. Первую свою «работу» он создал к собственной свадьбе – построил дом и весь его интерьер, всю мебель своими руками. За всю свою жизнь он возвел 43 избы, бани, колодцы и сотни заборов, украшая мир скворечниками, ветряками и флюгерами. Умер Владимир Николаевич Зазнобин в 1981 году в той же деревне Горки, уйдя из жизни творцом, деревенским плотником и философом.

Владимир Зазнобин уподоблял свою работу труду крестьянина, в нем видел начало всех начал. Собственно говоря, он сам так и трудился, придавая своим образам в дереве значение всепоглощающей жизнедеятельности, не только приносящей забвение от невзгод и горестей, но и преодолевая разрыв между духовным и предметным, между истинной и красотой. Творчество превратилось для него в то, чем оно должно было быть по самой своей природе, но чем перестало являться для большинства профессионалов-художников. Оно выявляло себя как акт творения, как «рождение» реальности, в которых нуждался человек. Владимир Зазнобин не отделил живой образ от предметного; он не видел разницы между своей скульптурой-тотемом, человеком в образе скворечника, где туловище становилось домиком для птиц, от чисто функционального скворечника традиционной геометрической формы. Его ветряки с лопастями-крыльями превращались в крестьян, машущих руками в согласии с порывами и направлениями ветра. Его деревянные механизмы двигались, лошади скакали, мастерицы пряли пряжу – весь мир наделялся божественной полезностью, и его двигателем была красота.

Владимир Зазнобин начал заниматься искусством, возвращая ему его истинный смысл и его истинное место в жизни человека, и именно тогда, когда оно в этом нуждалось. Десятки скульпторов-профессионалов, участники практиче-

Е.Зазнобин. «Русская баня». 1978

Экран и сцена –

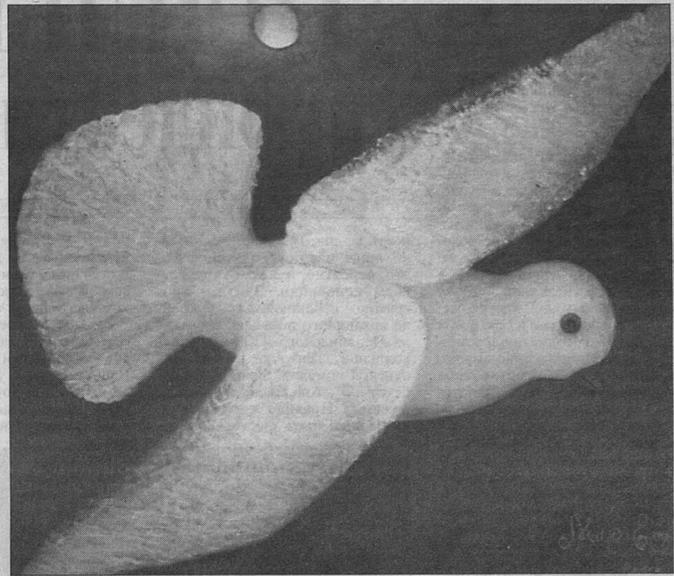
ских семинаров Союза художников, работающих в творческих мастерских в Переславле-Залесском, приходили к нему в гости, в его деревенский дом, чтобы увидеть композиции «истинного» художника, живущие легко и естественно в пространстве природы, в пространстве стихии ветра и солнца, не отделяясь ни от человека, ни от материала, из которого они были рождены.

Можно сказать, что особые обстоятельство, объединяющие эстетическое и функциональное, сопровождающие приход Владимира Зазнобина в искусство, поставили его в положение новатора. В его скульптуре произошло воскрешение древнерусской пластики, в образах простых крестьян открылось человеческое родовое и одновременно канонический образ св. Николая Можайского. Его иконные лица, его строгие формы «геометрического» мира человека обнаруживали свое согласие с первобытной скульптурой, со скульптурой Африки и Полинезии, они вели диалог с пластикой кубизма и раннего экспрессионизма, заставляя вспомнить скульптуру Пикассо и творчество Казимира Малевича. Русские мужики и бабы совершенно неожиданно сближались с тайтянками Гогена и образами древней Мексики, и в то же время они оставались знакомыми для нас героями волшебных русских сказок и уходили в высокий народный строй пушкинской поэзии.

Жанровые сцены – купание в русской бане, поездка в пролетке или ловля рыбы, превращались мастером в ритуальные события, где мир обретал свою универсальность и величественную регулярность. Рассматривая эти композиции, зритель невольно становится участником и свидетелем живой ситуации, рассказанной автором; он вовлекается в пространство его игры, где точка зрения свободно перемещается как вращение карусели.

Воспоминания, ассоциации и воображаемое предстают на подмостках творческой памяти Зазнобина неслабно, собираясь в целое и представляя конструкцию мира как тело человека. Это, несомненно, планетарный мир, где все равномерно движется и вращается, мир, неотделимый от простой деревенской жизни, наполненный любовью художника к взрастившей его земле. Это светлый праздник, который Владимир Зазнобин воспевал всю свою жизнь.

Сегодня искусство наивов приобретает особый смысл и особое значение, знаменует приход нового сознания в наш постисторический мир. Его экологическая природа восходит к истокам працивилизаций и пракультур, но его жизненная стойкость и неизбывное удивление перед тайной мироздания свидетельствуют не только о связи всех времен, но и о наличии чуда там, где оно, казалось, давным давно исчезло.

Е.Волкова. «Мир Всем!». 1984

Е.Волкова. «Друзья». 1990

Е.Зазнобин. «Старик и старуха». 1978

